

Жара стояла немилосердная: поздний летний зной, который здешние кликали «осенним тигром», пёк со всей дурью. Свернувшиеся в трубочку листья ив обугливались на солнце.

Тун Хуайцин сидел в тени раскидистой павловнии на углу переулка — вялый, абсолютно безучастный к происходящему. Тёмно-зелёная шелковая рубашка, засученные по локоть рукава, обнажавшие две тонкие, изящные руки. Ещё вчера он густо мазал их гелем алоэ, но краснота от солнечных ожогов так и не сошла.

Рядом старики азартно резались в шахматы, с шумом и бранью двигая фигуры; женщины постарше обмахивались веерами. На них были лёгкие майки с выстиранными до прозрачности воротниками. Стоило им переброситься парой фраз, как взгляды тут же невольно соскальзывали на Хуайцина.

Слишком уж он выбивался из общей картины.

Будто в пруд, кишасший серыми карасями, внезапно заплывла ярко-красная парчовая рыбка. В провинциальном уезде хватало симпатичных лиц — те же дикторы на местном телевидении казались с картинки, — но даже они меркли перед ним. Здешние места славились хорошей водой: народец рос гладким, белокожим, красавчиков хватало. Но такого видать не приходилось.

Точнее, дело было в атмосфере.

Он не походил ни на нарумяненных натурщиков с настенных календарей, ни на статных красавиц с телеэкранов. Женщины и сами не могли разгадать, что именно заставляло замирать сердце, но юноша казался им невероятно чужим и утончённым. Особенно когда он случайным движением скидывал взгляд — чистые, прозрачные зрачки походили на пригоршню прохладной воды.

Поговаривали, будто этого иногороднего привёз Чи Е, хозяин местной автомастерской. Да только парень не ронял ни слова, отмалчивался сутками напролёт. Не с приветом ли?

Хуайцин назойливые взгляды попросту игнорировал. Прищурившись, он дремал под тенью листвы, опустив длинные ресницы, и дышал еле слышно, едва заметно вздымая грудь.

В горле пересохло, от духоты кружилась голова.

Закончив партию, старики принимались за чай из пузатых эмалированных кружек. Настояй кипятка, тёмного и мутного, пили прямо так — не смывая чайнок и не сдувая пену. Глотали прямо из пышущей жаром кружки, запрокинув головы и от души хохоча.

Хуайцин поморщился, но тут же отвёл взор. Даже на расстоянии до него долетал этот задорный, напористый дух — дух чужой, бьющей через край жизненной силы.

Такой же яростной, как этот звонкий девчоночий крик:

— Брат!

У Хуайцина аж в ушах зазвенело.

Девочка пронеслась мимо него вихрем, на ходу сбросила портфель и высоко подбросила тетрадь:

— Брат, мне учительница сегодня звёздочку поставила!

Шедший следом мальчик держался куда степеннее. Он подхватил упавший ранец и неторопливо бросил:

— Чи Ино, у брата ещё полно работы.

Школьный день окончился. Уезд маленький, детей никто не встречал: кто жил подальше, катил на велосипеде с ключами на шее, большинство же шло пешком — с шумом, гамом, наперегонки влетая в переулки, откуда уже тянуло аппетитными запахами домашних обедов.

Чи Ино притопнула ножкой:

— Брат, ну посмотри сначала!

В кроне павловнии натужно надрывались цикады. У Хуайцина от жажды жгло гортань; подняв веки, он на мгновение потерял фокус — в глазах всё поплыло.

Автомастерская находилась шагах в шести.

Под кроваво-красным закатным солнцем Чи Ино прикрыла голову тетрадкой от палящих лучей. Прямо перед ней стоял огромный синий грузовик. Из-под кабины показались две мускулистые, испачканные мазутом руки, вцепившиеся в железные балки. Мужчина с ловким усилием вытянул мощное тело наружу. Пусть всё вокруг затопило багровым маревом, от него так и веяло первобытной, дикой силой. Казалось, эта многотонная махина для него — лишь копеечная игрушка.

Откинув гаечный ключ, он поднялся на ноги. Стриженный под ёжик, с рваным вертикальным шрамом на брови и узкими, хищными веками, он обладал внушительной, широкоплечей фигурой. Задрав чёрную майку, мужчина вытер с лица пот, обнажив натянутый, бронзовый живот с отчётливой рельефной сеткой мышц, уходящей под пояс камуфляжных шорт.

Хуайцин брезгливо опустил глаза.

Впрочем, Чи Е разглядывал его с похожим выражением.

— Не жарко? — он смахнул пот со лба и бросил коротко: — Марш в тень.

Закончив с ремонтом, Чи Е ощущал, как в горле застрял ком сухой пыли. В узкой щели между рамой и раскалённым бетоном дышать было совершенно нечем. Шагнув в мастерскую, он отмыл руки кусковым мылом, тщательно счистил мазут из-под ногтей, вытерся влажным полотенцем и, выпив едва ли не полкувшина остывшего чая, достал из морозилки три фруктовых льда.

Один сунул Чи Ино, похлопав её по макушке:

— Молодец.

Второй протянул мальчику, приглядываясь:

— Яньянь, чересчур распарился. Что стряслось?

Чэнь Сяньян уже сорвал обёртку:

— Последним уроком физкультура была...

Чи Е молча перевёл взгляд на Хуайцина. Мускулистое предплечье с проступающими синеватыми венами протянуло ладонь — огромную, на фоне которой деревянная палочка мороженого выглядела совсем крошечной.

Хуайцин даже не взглянул на него.

— Не хочешь? — Чи Е оглядел его бескровные, потрескавшиеся губы. — В горле не пересохло?

Хуайцин сидел на деревянном стуле, сделанном руками хозяина мастерской: прочный сосновый каркас, сглаженные углы и изящно изогнутая спинка, позволявшая вальяжно откинуться назад. Вот и сейчас Хуайцин скрестил руки на груди, всем видом выражая скуку.

Дети замерли поодаль, молча грызя лёд.

Чи Е чиниться не стал. Разорвав упаковку, он отправил сладость в рот, смывая прочь иссушающий зной. Шахматисты уже разошлись, женщины увели внуков обедать, и у павловнии установилась тишина.

Тишину разрезал резкий гудок. У обочины затормозил потрёпанный микроавтобус «Цзиньбэй», из опущенного окна высунулся водитель с южным акцентом:

— Эй, красавчик! Не подскажешь, как на улицу Пинъань проехать?..

Чи Е тяжёлым взглядом полоснул приезжего. Жёсткая линия челюсти заострилась, обёртка от мороженого в кулаке мгновенно превратилась в ком.

Улыбка на лице чужака мгновенно окаменела.

Склочник захлопнул окно быстрее, чем утопил педаль газа в пол. Автобус юзом рванул прочь, словно спасаясь от дикого зверя.

Чи Ино фыркнула, Чэнь Сяньян отнёсся к происшедшему как к должному, и лишь Тун Хуайцин одарил хозяина мастерской холодным, оценочным взглядом.

«Ещё бы, — подумал он. — С такой-то свирепой рожей и саженью в плечах немудрено людей до полусмерти пугать».

Сам Чи Е остался бесстрастен. От природы ему досталась разбойничья, опасная наружность — из тех, которыми пугают непослушных детей. Стоит такому встать во весь рост — и подходить расхочется.

И лишь этот избалованный недотрога Хуайцин не проявлял ни малейшего уважения.

Чи Е снова оценил его вид: белая, как фарфор, кожа, глубокие тени под глазами и красные следы от вчерашнего солнца.

Поколебавшись секунду, он поднялся. Через полминуты перед Хуайцином опустилась бутылка минералки.

— Пей.

Бутылку, видать, достали заранее: по пластику ещё стекали прозрачные капли, но сама вода уже согрелась. Хуайцин наконец вскинул подбородок. Выделяющиеся на бледном лице, чуть покрасневшие от солнца уголки глаз вспыхнули неприязнью, и он снова отвернулся.

Чи Ино шепнула на ухо Чэнь Сяньяну:

— Он что, и впрямь немой?

Дети недоумевали. Несколько дней назад брат притащил домой незнакомца — оба мокрые насквозь, будто из реки вылезли. Хотя вода летом и тёплая, но не успел Чи Е перевести дух, как гостя сокрушил лютый жар. Парень пылал так, что хоть лепёшки на лбу пеки.

Брат возился с ним до сегодняшнего утра: уколы, капельницы, таблетки. А тот лишь отмалчивался с обессиленным видом.

При этом глухим он точно не был — стоило соседскому петуху запеть через улицу, как гость поднялся с лицом темнее тучи и пошёл стучать в дверь Чи Е.

На расспросы об имени молчал. Лишь когда Ино окончательно докучала ему вопросами, он, потеряв терпение, обмакнул палец в воду и вывел на столе иероглиф «Тун».

Сяньян тут же подластился: «Брат Тунтун».

Хуайцин ровно относился ко всем: что к детям, что к огромному Чи Е — никакого страха. Бутылка оставила на деревянном столе мокрое пятно, но он продолжал смотреть в пустоту.

— Зато красивый какой... — вздохнула Ино.

— Я за газировкой сбегаю, — подхватился сообразительный Сяньян. — Брат Тунтун, тебе яблочную?

Влажные пряди на лбу Хуайцина липли к бледной коже. Чи Е цыкнул, останавливая мальчишку, взял минералку, с лёгким треском сорвал крышку и снова протянул бутылку.

Три пары глаз уставились на Хуайцина.

Тот, привыкший к повышенному вниманию, спокойным жестом принял воду, поднёс к сухим губам и стал пить маленькими, аккуратными глотками.

Очень изящно.

Дети облегчённо вздохнули. Оказывается, он просто ждал, пока ему отвинтят крышку!

Чи Е дождался, пока тот одолеет полбутылки, и не удержался:

— Тебя в детстве бить не пробовали?

— Брат! — ахнула Ино. — Ты же обещал не драться!

— Да я не об этом, — отмахнулся Чи Е. — Проехали.

Хуайцин слегка оживел и одарил его свирепым взглядом. Напоминал дикого кота — видать, и впрямь розги не пробовал.

— За мной, — Чи Е забрал минералку, закрутил крышку. — Домой, обедать.

Закатные тени волочились по земле. Хуайцин неторопливо плёлся сзади. Чи Е тащил две старые покрышки. Слева шагал семиклассник Сянъян, едва достававший ему до груди, справа — Ино, которая была младше на четыре года и с косичками едва равнялась с братом.

Родителей в доме не было — Чи Е сам тянул всю семью.

За эти дни Хуайцин немного разобрался в их родстве. Мать Чи Е умерла рано. Когда парню исполнилось десять, отец женился снова, и в дом пришёл Сянъян с матерью. А через пару лет родилась Ино. Обычная сборная семья.

Сгинули ли старшие или уехали на заработки — Хуайцину было плевать.

Мастерская выходила прямо на проезжую часть, где ютились лавки ремесленников. Вдоль улицы, мимо той самой павловнии, тянулся переулок с глухими дворами. Дом Чи Е стоял в самом конце, метрах в трёхстах.

Но шли они до него минут пять.

Слишком уж шумно вокруг.

Здесь не любили обедать дома: вынесут пиалу на порог и чешут языками. Дети после школы собирались в кучки, играли в фантики да катали шарики. Старики крутили ручки приёмников на полную мощность и гоняли мух веерами. Из мясной лавки высунулась тётушка:

— Сяо Чи, на вот, я тебе свиных ушек оставила!

Занятый покрышками Чи Е не мог принять свёрток, и за него вмешался вежливый Сянъян:

— Тётушка Цзянь, как дяде Цзяню? Получше?

— Получше, милый, — просияла женщина, вытирая руки о фартук. — Всё благодаря вашему старшему брату...

— Дело житейское.

Через пару шагов дедушка в очках помахал рукой:

— Сяо Чи, у меня телевизор опять сломался!

— Из розетки выпал, — даже не притормозил Чи Е. — Проверьте шнур.

«Экая порхающая бабочка», — мысленно фыркнул Хуайцин.

Такая огромная туша с разбойничьей рожей, а любви народной — хоть отбавляй.

Задумавшись, он со всего маху врезался во что-то твёрдое. Отлетел на пару шагов, недовольно потёр лоб и поднял глаза. Они уже пришли. Дети проскользнули во двор, а Чи Е застыл у ворот, повернувшись к нему.

Хуайцин только что впечатался в его литую, каменную грудь.

«Что за железобетон?»

Прикосновение мгновенно напомнило, как его, беспомощного и мокрого, вытащили из реки и взвалили на плечо, словно мешок.

Тогда эти мускулы казались такими же каменными.

Дразнит, сука.

Чи Е недовольства не заметил. Сбросив покрышки на землю — пахнуло палёной резиной, — он посмотрел на гостя:

— Я саженцы роз припас. Наберём земли, посадим вот сюда. Поможешь?

Хуайцин потирал лоб, не роняя ни звука.

— Жар спал. Если захочешь научиться какому ремеслу — обучу. А если на душе паршиво... займи себя работой. Всё пройдёт.

Хуайцин опустил руку. На лбу алело свежее пятно. Он насмешливо изогнул бровь.

«Ремеслу он меня научит. Ишь какой уверенный. Видать, сам розги не пробовал».

Он снова опустил веки, собираясь пройти мимо, но на пороге оступился. Чи Е мгновенно подхватил его под локоть. Почувствовав опять эту стальную хватку, Хуайцин выпрямился и с досадой хлопнул его по руке.

Чи Е даже не шелохнулся — толстокожий, видать.

Хуайцин разозлился. Из вредности он силой сжал эту твердокаменную мышцу и медленно, артикулируя каждым движением губ, беззвучно произнёс:

«Ишь какой дубовый...»

<http://bllate.org/book/19966/1985724>